



МАТЬ КАЛИ



Мать Кали
ടെസ്ട്രാ നവഭൂതാ

Пробуждение Кали
ടാലാലു കേലന്തം

Богиня Кали
നവകാല ലാഭം

Медитация Кали
ജലാഭാഷ

ББК 87

УДК 294.5

Мать Кали.

Мать Кали (Сестра Ниведита); Пробуждение Кали (Салли Кемптон); Богиня Кали (Николь Мьюир); Медитация Кали (Ямаджит). — «Ixtlan», 2025. — 244 с.

Перед вами — издание, объединяющее в себе два голоса, обращенных к Богине Кали. Эти два голоса принадлежат женщинам из разных эпох, разных культур и разных духовных традиций.

Эта книга — мост между эпохами, между Востоком и Западом, между мистической традицией и современной психологией. Она создает многогранный образ Кали — не только как индуистской Богини, но и как внутренней силы.

Издательство

«Ixtlan»

Республика Бурятия

2025 г.

Тираж 100 экз.

содержание

Содержание книги	8
------------------------	---

Часть 1.

Мать Кали (Сестра Ниведита)	12
О символах	12
Видение Шивы	20
Две святыне Кали	29
Голос Матери	52
Визит в Дакшинешвар	55
Заступничество	58
История Кали	61
Кали — Мать	65

Часть 2.

Пробуждение Кали (Салли Кэмптон)	68
Венец женского начала	68
<i>Связь с энергией мифа</i>	73
<i>Где Богиня?</i>	74
<i>Современность и женское</i>	76
<i>Множество форм божеств</i>	78
<i>Уровни сознания</i>	80
<i>Священный феминизм</i>	82
<i>Практика божеств как путь к сакральному</i>	84
<i>Женское как сила</i>	85
<i>Живая Богиня</i>	86
<i>Трансформирующие символы</i>	88
<i>Психология медитации на божество</i>	89
<i>Энергии богини в личности</i>	90
<i>Богиня как сила Духа</i>	91
<i>Образы Кали</i>	92

<i>Воображение и практика почитания божеств</i>	94
Кали: богиня радикального преображения	101
<i>Пьющая кровь</i>	102
<i>Два лика Кали</i>	103
<i>Медитация Кали</i>	106
<i>Кали как зеркало нашего внутреннего состояния</i> ..	107
<i>Кали и эго</i>	110
<i>Яростные облики Кали</i>	110
<i>Кали — «нет» революции</i>	113
<i>Физическое ощущение Кали: практика</i>	114
<i>Тантрическая Кали: Божественная</i> <i>покровительница героев</i>	115
<i>Кали-асана</i>	118
<i>Постмодернистская Кали</i>	118
<i>Теневая Кали</i>	119
<i>Кали как внутренний голос разрушительной</i> <i>ярости</i>	121
<i>Диалог с Кали</i>	124
<i>Животное в жертву</i>	126
<i>Кали как учитель</i>	126
<i>Жертва огню Кали: практика</i>	129
<i>Пробуждая Сокрытую Кали</i>	130
<i>Кали как Великая Пустота</i>	131
<i>Кали (Kah-lee) — Черная</i>	132
<i>Биджа-мантра Кали</i>	134
<i>Гаятри-мантра Кали</i>	135
Какие богини живут в тебе?	136
<i>Дурга</i>	136
<i>Лакшми</i>	137
<i>Кали</i>	139
<i>Парвати</i>	139
<i>Сарасвати</i>	141

Сита	142
Дхумавати	143
Радха	144
Чиннамаста	145
Лалита Трипурасундари	146
Бхуванешвари	147

Часть 3.

Богиня Кали (Николь Мьюир)	150
Яростная женственность	150
Многообразие имен и форм Кали	152
Кали в индуистской мифологии	155
<i>Рождение Кали: битва с демонами</i>	155
<i>Кали и Шива: танец разрушения</i>	156
<i>История Рактабиджи</i>	157
<i>Кали и Кришна: история великого эго</i>	158
Кали и шактизм	159
Символика и иконография Кали	162
<i>Ее темный цвет кожи</i>	162
<i>Ее ожерелье из черепов</i>	163
<i>Ее широко раскрытый рот и высунутый язык</i>	163
<i>Ее четыре руки</i>	164
<i>Ее растрепанные волосы и нагота</i>	164
<i>Ее танец на Шиве</i>	165
Сила мантр Кали	165
<i>Биджа-мантра Кали</i>	166
<i>Мантра поклонения Кали</i>	166
<i>Гаятри-мантра Кали</i>	167
<i>Практика мантр Кали</i>	168
Внутренняя трансформация	169
<i>Кали — богиня силы и преображения</i>	169
Кали и культ тхагов: развенчание мифов	172

Дакшина Кали и Смашан Кали: Милосердная и Яростная	175
<i>Дакшина Кали Милосердная Мать</i>	175
<i>Смашан Кали Богиня кремационного поля</i>	176
<i>Две формы — один танец</i>	177
Влияние Кали в искусстве и культуре	177
Почитание Кали: праздники и ритуалы	180
<i>Ритуал 1: Ежедневная пуджа</i>	182
<i>Ритуал 2: Пост</i>	185
<i>Ритуал 3: огненный ритуал (Хома)</i>	187
<i>Ритуал 4: Кали-арати</i>	189
<i>Ритуал 5: почитание янтры Кали</i>	191
Философские интерпретации Кали	193
<i>Цикл сотворения и разрушения</i>	193
<i>Превосхождение дуальности</i>	194
<i>Пустота формы</i>	195
Кали и Тантра: пробуждение духа	196
<i>Кали как внутренняя энергия</i>	197
<i>Кали в тантрических ритуалах</i>	197
<i>Кали и пробуждение Кундалини</i>	198
<i>Кали: Божественная Мать и Освободительница</i>	198
<i>Кали и Тантра в современном мире</i>	199
Принятие Кали в повседневной жизни	200
<i>Развитие смелости, устойчивости и подлинности</i>	201
Актуальность Кали в современном мире	203

Часть 4.

Медитация Кали (Ямаджит)	208
Кали-Мать	210
Уничтожение Рактабиджи	212
Что символизирует Мать Кали	216

Кали, стоящая на Шиве	217
Символика Матери Кали	219
Кали как Тантрическая Богиня	220
Новый учитель для Запада	221
Простая медитация на Кали	222
Простая пуджа Кали	225
<i>Необходимые материалы</i>	226
Элементы пуджи, их символика и санскритские названия	227
<i>Янтра— сакральная основа для подношений</i>	228
<i>Мантры</i>	230
<i>Этапы пуджи</i>	231
<i>Время для проведения пуджи</i>	231
<i>Адаптации и изменения</i>	232
<i>Процесс: как работает садхана</i>	233
Пуджа Кали для начинающих	233
<i>Освящение</i>	234
<i>Призывы</i>	234
<i>Самопочитание</i>	235
<i>Визуализация</i>	236
<i>Дхьяна (медитация)</i>	237
<i>Мантра (Джапа)</i>	237
<i>Перечисление имен и качеств Ма</i>	238
<i>Панча-пуджа</i>	239
<i>Заключительная молитва</i>	240
<i>Завершение</i>	241

СОДЕРЖАНИЕ КНИГУ



Первая часть книги — это собрание эссе Сестры Ниведиты (в миру — Маргарет Э. Нобл), ирландки, принявшей индуизм в конце XIX века под влиянием просветленного учителя Свами Вивекананды. Под именем Сестра Ниведита она посвятила свою жизнь служению народу Индии, особенно женщинам, жившим в нищете и несправедливости. Эти тексты — подлинные свидетельства духовного поиска, глубокой преданности и любви к Кали как Матери, Разрушительнице и Защитнице. Написанные в возвышенном, классическом стиле, они приглашают нас взглянуть на Кали глазами тех, кто видел в ней не страх и ужас, а утешение, силу и свободу.



Вторая часть книги принадлежит современному автору — Салли Кемптон, духовной наставнице и психологу. Ее тексты раскрывают Кали как архетип радикального преобразования. Через медитативные практики, личные откровения и глубинную мудрость автор приглашает к внутреннему диалогу с Кали — той, кто помогает разрушить старое, исцелить травмы, пробудить силу и выйти за пределы ограничений.



Третья часть книги посвящена почитанию Богини Кали как олицетворения внутренней силы, подлинности и трансформации. Ее автор — Николь Мьюир, практикующая духовная наставница, исследующая женскую мистику, тантру и архетипы Великой Богини. В этом разделе собраны медитации, визуализации и практики осознанности, направленные на пробуждение храбрости, стойкости и самореализации через связь с энергией Кали.



Четвертая часть книги посвящена **медитации на Кали** и содержит практические садханы, мантры, визуализации и ритуалы, составленные **Ямаджитом** — современным учителем и преданным Божественной Матери. Он живет в Денвере (США), более двадцати лет проводит занятия по духовной практике и является основателем храма, посвященного Кали. Его тексты — это живой, искренний опыт личного служения и соединения с Богиней.







ЧАСТЬ 1

МАТЬ КАЛИ

தெய்வம் முன்னேற்றம்

МАТЬ КАДИ

तेसुत्रा निवेदिता

О символах

Наша повседневная жизнь создает неповторимый символ Бога, и у каждого он свой.

То же самое происходит и с тем символизмом, который мы называем языком. Простые повседневные нужды человечества, кажется, повсюду одни и те же. Мы ищем слова, которые будут соответствовать друг другу в любой стране, но знаем, как язык каждого народа особенно ясно выражает какую-то одну группу идей — и напрочь игнорирует другие.

Никогда не повторяются одна и та же сила и одна и та же слабость: и всегда, если копнуть достаточно глубоко, можно найти в условиях жизни и привычках страны причину ее особого способа мышления или менталитета.

На Севере мы называем определенный час «сумерками» — этим словом мы подразумеваем отрезок времени между днем и ночью. В Индии же те же самые моменты называются «временем соединения», поскольку там нет периода полусвета — часы солнца и тьмы, кажется, соприкасаются в одной точке.

Эту иллюстрацию можно развить дальше. В слове *сумерки* для нас заключено целое богатство ассоциаций — затаенное волнение наступающего сумрака, возвращение домой в вечернее время, тайны. Та же эмоциональная нота звучит в индийских языках в выражении «*в час коровьей пыли*».

Как выразительно это различие! Вон там, за травой, пастушка ведет свое стадо домой, в деревню, на ночь. Их копыта, ступая по выжженной солнцем тропе, поднимают за собой пыль, образуя облако. Сама пастушка видится крупной и размытой фигурой на фоне пастбища — все вокруг быстро темнеет, словно воздух наполняется взвившейся пылью.

Словосочетание *коровья пыль* действительно пробуждает целый пласт выразительности, характерный для этой восточной земли. Все, что связано с коровой, было здесь замечено, любимо и получило свое имя. Даже количество воды, которое может уместиться в ямке, оставленной ее копытом, — известная мера у индийских народов!

Нет нужды продолжать доказывать, что, хотя природные реалии определяют основные направления развития речи, каждый язык и каждая языковая группа отличается от других так же, как отличаются между собой характеры отдельных людей и целых народов.

Нечто подобное справедливо и для религиозных символов. Пока мы не достигли совершенного постижения, мы вынуждены видеть Вечный Свет сквозь маску, навязанную нашими собственными мыслями.

Вероятно, ни для кого из нас маска не расположена на одном и том же месте, и некоторые, благодаря собственному духовному росту, достигают таких точек, настолько далеких от общего центра, что их путь очерчивает крайние пределы, достигнутые до сих пор в тех великих областях, которые мы называем христианским, буддийским или каким-либо еще сознанием.

Совершить такое — или даже привести целую нацию к новой точке сбора, вокруг знамени, водруженного на старой границе, — вот в чем заключается особая миссия религиозного гения.

Так Христос, всей Своей мощью, низвергся на старые иудейские укрепления справедливости — праведности, — и буквально унес знамя туда, на передовую любви и милосердия, которую до Него уже достигали страждущие души, но где еще ни одна не была достаточно сильна, чтобы сделать ее сердцем и источником жизни.

И точно так же каждый из нас, просто думая свои собственные мысли и живя своей собственной жизнью в полной мере, может откликнуться на зов ближнего к Богу способами, которых мир даже не в силах вообразить. Разве католическая традиция не стала богаче благодаря жизни Маннинга? А протестантская — благодаря Франсис Ридли Хавергал?

Если все это верно, значит, образность всех людей имеет для нас значение. Маска создается нашими собственными мыслями — напрямую, а также косвенно, через влияние привычки на мышление. Как всякая вуаль, она одновременно открывает и ограничивает видение. Только постигнув весь смысл каждого символа, мы сможем понять всю совокупность человеческой мысли о Боге.

Но — долой все маски!

Мы жаждем Самого Несотворенного Пламени, без символа, без вуали, без барьера. Если нельзя увидеть Бога и остаться в живых — так пусть будет смерть! Чего нам бояться? Пусть Он сожжет нас в изначальном огне, растворит в Живом Океане — только пусть ничто, ни даже тень чего бы то ни было, не встанет между душой и Божественным глотком, которого она так жаждет!

Да, все это так. Но для каждой из нас есть свой избранный путь. Быть может, мы все еще ищем его — где-то и когда-то он все еще скрыт от наших глаз. Но в глубине нашего сердца укоренилась уверенность: настанет момент, тайный знак будет подан, мисти-

ческое имя падет нам на ухо — и где-то, когда-то, каким-то образом наши ноги переступят через Врата Покоя. Мы ступим на путь, который ведет только к Блаженному Видению.

До тех пор старый индуистский поэт в народной песне мудро говорит себе:

*Тулси, раз ты пришел в этот мир,
Стремись жить со всеми в мире —
Ведь кто знает, где и в каком обличье
Сам Господь может прийти к тебе?*

Наша повседневная жизнь создает символ Бога. Для араба пустыни, с его патриархальными обычаями, отец семейства — справедливый и спокойный в своих суждениях, защитник рода, любящий тех, кто играл у его колен в младенчестве, — вполне может являться воплощением всего того, в чем человек ощущает безопасность.

И естественно, что именно семитский ум озарил темные глубины общения души с Вечным восторженным прозрением великого слова — «Отец».

Бог как Отец — связанный узами родства даже с самым заблудшим из своих детей, узами, которые никакое преступление не способно разрушить (ведь если человеческая связь нерушима, может ли божественная быть менее прочной?)

И по сей день мужественный афганец, склоняясь ниц в мечети, говорит Богу Воинств «Ты» и «Тебе» — так, как младенец обращается к своему отцу, сидя у него на коленях.

*В арийском доме женщина занимает высшее место.
На Западе — как жена, дама и королева своего мужа,
На Востоке — как мать, богиня,
Восседающая на троне почитания своего сына —
Она приносит святость и мир.*

Глубокие струны звучат в нас, когда мы сталкиваемся с насыщенно христианским образом Бога — Ребенка на руках у Матери. Этот идеал женского сердца — пронзенного семью скорбями, пылающего любовью, матери у колыбели, поклоняющейся у креста, и прославленной в великом смирении — стал одним из самых щедрых даров Католической Церкви человечеству.

Несравненным по-своему остается и образ женственности в сонете Россетти:

*«Вот та благословенная Мария, избранная заранее,
Дева Божья. Прошло уж много лет,
И жила она юной в Назарете Галилейском...
Божью волю она встречала с благоговением, —
С глубокой простотой ума
И высочайшим терпением...
Таковой она была всю свою девичью пору,
Словно лилия, питаемая водой ангелов,
Растущая близ Бога — и тихая.»*

Иисус Сам — даже для тех, кто не преклоняется перед Мадонной в Ватикане — звучит этой нотой вечной женственности:

«Придите ко Мне, все утруждающиеся и обремененные, и Я успокою вас. Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим.»

Разве это не женский зов?

Да, Он и Сам осознает эту сторону Своей природы. По крайней мере один раз Он говорит о ней.

В тот возвышенный момент, когда Он, молодой Вождь будущих воинств, стоит на солнечных вершинах и, взирая на город Своего народа, видит, как мрак судьбы окутывает его, — в этот миг, когда

Патриот забывает, в рыдании человеческой скорби, что Он — Владыка и Искупитель, — в этот момент Он становится самой Матерью:

«Иерусалим! Иерусалим! Ты, убивающий пророков и побивающий камнями посланных к тебе, сколько раз Я хотел собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!»

Душа, которая поклоняется, всегда становится немного ребенком; а душа, ставшая ребенком, чаще всего находит Бога как Мать.

В одной из медитаций перед Святыми Дарами кем-то была написана изумительная строка-утешение:

«Мое дитя, тебе не нужно много знать, чтобы радовать Меня. Просто люби Меня всем сердцем. Говори со Мной, как говорил(а) бы с матерью, если бы она держала тебя на руках.»

Но именно в Индии эта мысль о Матери обрела свое полное воплощение. В стране, где образ Кали является одним из самых почитаемых символов Божества, вполне обыденно называть Бога — Она, и обращаться к Ней напрямую словами: Мать.

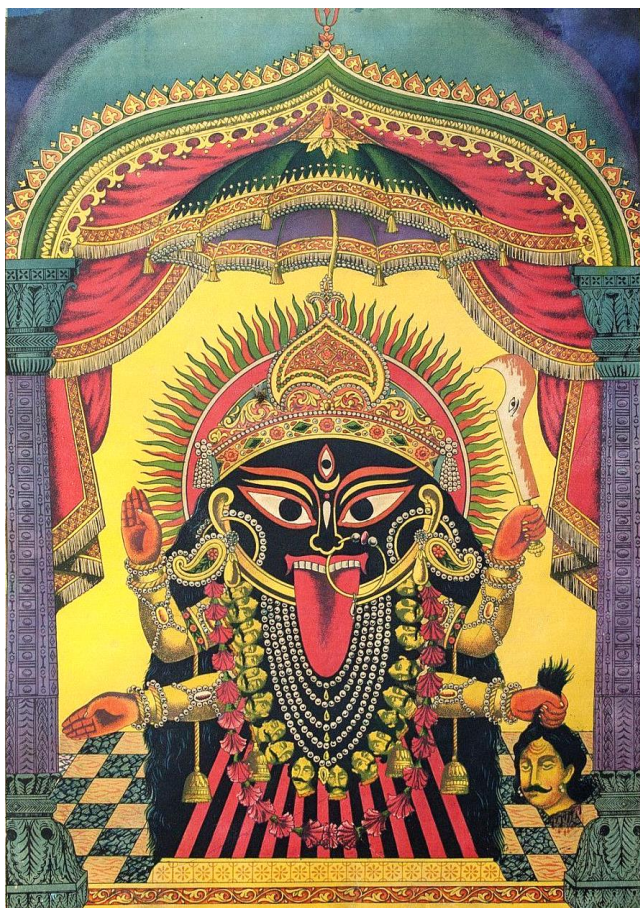
Но под каким странным обликом!

На Западе искусство и поэзия были исчерпаны, чтобы связать с этим образом женского поклонения все самое нежное и дорогое. Мать играет с Младенцем, или ласкает, или кормит Его. Иногда Она даже делает из своей руки трон, на котором Он восседает, чтобы благословить мир.

А на Востоке — признанный символ: обнаженная женщина с распущенными волосами, настолько темно-синяя, что кажется черной, четырехрукая — две руки благословляют, две держат нож и окровавлен-

ную голову; увенчанная гирляндой из черепов, танцующая с высунутым языком на распростертом теле мужчины, покрытого пеплом.

Страшный, необычайный образ!



Тем, кто называет его ужасным, можно легко простить. Они лишь проходят по внешнему двору храма. Они еще не дошли туда, где слышен голос Матери. И в этом, в своем роде, тоже есть смысл.

Тем не менее, этот образ, столь пугающий для западного ума, возможно, дороже всех прочих для сердца Индии. Конечно, это не единственная форма, в которой Божественная Энергия являет Себя своим почитателям. Для сикха Она воплощается и сливается с его мечом; все женщины, особенно дети, — Ее воплощения; сияющая Сита несет Великую Истину многим.

Но Кали ближе нам, чем все они.

Другими мы восхищаемся; других мы любим;

К Ней — мы принадлежим.

Знаем мы это или нет, мы — Ее дети, играющие у
Ее колен.

Жизнь — всего лишь игра в прятки с Ней.

И если в ходе этой игры мы случайно коснемся Ее стоп, кто сможет измерить тот удар божественной энергии, что проникает в нас?

Кто сможет выразить восторг нашего восклицания — *«Мать!»*



Видение Шивы

Темная Мать! Всегда скользящая рядом на мягких стопах, разве никто еще не воспел Тебе песнь полного приветствия?

— Уолт Уитмен

Возможно, предки увидели это в горах. А может быть — где-то еще. В какой-то момент до индуистского сознания дошло ощущение, что красота снежных вершин, лунного света и стоячей воды отличается от всей прочей прелести красок, пышности и многообразных, многоканальных пейзажей.

Казалось, что Природа, великая Мать, облачена в зеленое одеяние, расшитое птицами, цветами и плодами, укрыта голубой вуалью, украшена множеством самоцветов, — и все же среди всей этой беспокойной пышности и шума ее славы временами пробивается намек на нечто иное. Нечто белое, строгое и чистое; нечто, навевающее тишину; нечто безмолвное и бесстрастное, вечно одинокое. Даже красота мира, таким образом, указывала на двойственную сущность. Куда бы ни посмотрел индуист, он находил это повторение двойственности: свет и тень, притяжение и отталкивание, микрокосм и макрокосм, причина и следствие. Более того, он вглядывался в самую человеческую жизнь — и находил человечество как мужчину и женщину, душу и тело.

Вот она, нить. На уровне символизма душа вещей каким-то образом соотносилась с мужским обликом, а проявленная энергия (Природа, как мы ее называем) — с женским началом и материнством. В этом представлении можно уловить сознательное утверждение: Бог и Природа необходимы друг другу как взаимодополняющие проявления Единого — точно так же, как мужчина и женщина вместе воплощают Человечество.